

Коллесс. правдо - 1990 - 6 страниц

Гений любит бескорыстно

С известным английским литературоведом Т. Бриггсом беседует наш собственный корреспондент А. Куприянов

— Профессор, для начала позвольте неожиданный вопрос: говорят, вы знаете «Евгения Онегина» наизусть?

— О, студенческие легенды!.. (Смеется). Всего лишь навсего первую главу. Но, правда, очень много стихотворений Александра Сергеевича.

— Не каждый в России может гордиться таким знанием классика. Однако спроси любого школьника: «Кто твой любимый поэт?», и он без запинки ответит: «Пушкин!»

— Бог весть, может быть, так оно и есть на самом деле, ведь Пушкин (простите за высокий стиль) — весна русской словесности — стоит того... Однако мне кажется, я понимаю, о чем вы хотите сказать.

— О том, что внедрение в сознание молодого поколения мысли: «Пушкин — полубог на пьедестале, а иначе и думать не смей», привело к «обронзовению» и, значит, к обеднению образа этого человека.

— К сожалению, в русской истории, на мой взгляд, это произошло не только с Александром Сергеевичем. Например, с Лениным. Впрочем, в этом вы разберетесь без моей помощи. Для меня же Пушкин не просто объект исследования. Александр Сергеевич — мой старший брат, мой друг. Помните: «Я сяду между вами...»? Он присутствует со мной на лекциях, в библиотеке. Он сидит со мной в пабе за кружкой пива... Да-да, Пушкин отчаянно бражничал, а сколько женщин он любил!

— Еще в студенческие годы на филологическом факультете я встречал стихи Пушкина, где вместо строчек — точки. Видимо, так блюли нашу нравственность... А сколько домослов ходило о «поэтических фривольностях» Александра Сергеевича!

— Гений Пушкина в том и состоит, что он сумел охватить весь диапазон человеческих чувств, страстей и трагедий — от высокого до низкого, от воздушной, неземной любви до физиологических отношений между мужчиной и женщиной... Вы читали его поэму «Царь Никита и 40 его сыновей»?

— Нет, конечно. Но слышал, что вокруг нее много споров: принадлежит ли она перу Пушкина?

— Несомненно! Я занимаюсь творчеством Александра Сергеевича много лет... Это самая замечательная вещь об интимности, которую я когда-либо читал. И — совсем не грубо, совсем не грубо! Там такой юмор, такая деликатность... Конечно, если насаждать принцип: «Пушкин полубог, и ничто не может подвинуть его с пьедестала», то вместо строчек в изданиях будут появляться точки...

— Полагаю, профессор, ваш интерес к творениям русского гения лежит не только в этой области?

— Разумеется. Просто мы начали говорить об оскудении, а я бы сказал еще точнее — об оскотлении образа живого человека — дерзкого, мятежного, вечно живого.

— Вы считаете, что Пушкин по-прежнему современен?

— А вы полагаете, что его вторично нужно «сбросить с корабля современности»? (Смеется).

— В чем же тогда, на ваш взгляд, актуальность Пушкина для нынешней цивилизации, достигшей если не замены души, то во всяком случае замены живого сердца на нейлоновое?

— Поскольку я все-таки преподаватель, представим, что мы на экзамене, и вы сами ответите на этот вопрос. Итак, вспомните описание Пушкиным утра, когда Онегин возвращается домой после бала!

— Попробую... Ну как же! Снег, который хрустит под ногами, аккуратный немец в бумажном колпаке, утренние краски и звуки...

— А что делает в это время Онегин?

— Простите, профессор, если мне не изменяет студенческая память, он прозаически спит...

— Вот именно! Онегин спит, потому что он равнодушен, а поэт в это время пирует: он празднует радость человеческого бытия, восторг жизни! Это и есть тот почти

неуловимый дух пушкинского гения, который позволяет ему оставаться современным. Для меня это самое трудное, почти невозможное занятие — передать тонкость понимания жизни Пушкиным англоговорящей публике. Однако я взялся за это занятие.

— Вы говорите о жизнеутверждающем духе поэзии Пушкина, об оптимизме и светлой вере — как национальной черте русского характера?

— Подумайте сами... Не случайно русские в самые трудные моменты — на войне, в эмиграции, в сталинских лагерях — обращались к Пушкину, к его пониманию истинных ценностей человеческого бытия. Пушкин укреплял их в горе.

— Но ведь у него есть и горькие, очень печальные стихи... Но хотя бы на ум приходит «Воспоминание». Поэт сидит ночью и размышляет о прошедшей жизни. Он разочарован: «Я... проклинаю... И горько слезы лью...».

— Но вы совершенно забыли последнюю строку! Помните — «Но строк печальных не смываю...»? Понимаете?! Не смываю!.. Жизнь может разочаровывать, но ценность ее нужно праздновать, нужно извлекать радость жизни. Это касается не только девятнадцатого века. Разве не может служить Пушкин нравственной, духовной опорой сегодняшней России, переживающей, возможно, один из самых драматических моментов своей истории...

— Согласен. Рухнувшие гипсовые идола, служившие тоталитарной системе. В нашем обществе идет мучительный поиск новых идеалов.

— Я провел сравнительный анализ пьесы Шекспира «Ричард II» и поэмы Пушкина «Медный всадник». Величайшее произведение!.. Не буду перечислять всех достоинств, остановлюсь лишь на одном — общем.

— Мне кажется, теперь я знаю, о чем вы хотите сказать: о любви писателя к своему отечеству и о высо-

кой ответственности за его судьбу...

— ...которая во все времена называлась патриотизмом. Патриотические строки двух гениев наших народов отличаются исключительно мирным духом. Они далеки от грубого национализма, от воинственной декламации, от отвратительной надменности. Они отстаивают прежде всего счастье и любовь. Шекспир говорит об «этой дорогой, дорогой земле»... Пушкин повторяет слово «люблю». Поэты разных эпох, они приходят к одинаковому заключению, которое важно для всех нас, людей опасного двадцатого столетия: патриотизм — естественное и необходимое чувство, но важнее всего — возвышенная и бескорыстная любовь к человечеству... Не собираюсь давать рецептов примирения современных писателей, просто напоминаю пример великих. Почему бы нам не равняться на великих?

— Как вы считаете, был ли он в известном смысле социальным или политическим поэтом?

— Я знаком с теорией советского литературоведения о том, что «Пушкин — это предтеча», что он «отразил», но вот к декабристам «не пришел»... Идеологизация литературоведения, на мой взгляд, вредна не менее, чем идеологизация экономики. Полагаю, что поэтический гений Пушкина выше социальности. Да, он, к примеру, много писал и думал о свободе. Потому что сам страдал в ссылках, под гнетом царя и среды. Но это не значит, что его нужно считать политическим поэтом. Он занимался общечеловеческим понятием свободы.

— В этой связи — вопрос о дуэли Пушкина, о коварной руке царя, направлявшего тот роковой выстрел.

— Вы знаете, в этом вопросе я не специалист, и к тому же в печальном событии том по-прежнему много неясного. Подробности не установлены.

— Но у вас есть своя точка зрения?

— Боже мой! Ему было всего 37 лет... Всего и — уже. Он погиб одним из самых старых поэтов того времени. Парадоксально звучит, не правда ли? Мне кажется, он был уже очень усталым человеком. Он не знал, что делать. Это был конец его эпохи поэзии, а проза Александра Сергеевича... За исключением «Пиковой дамы», я ставлю ее на второе место. Пик Пушкина — его поэзия... Он совершил все, что мог совершить один человек. Думаю, что утверждение типа «Царь убил Пушкина» демонстрирует ограниченный подход. Впрочем, это моя точка зрения, и я ее никому не навязываю... Гений, он просто испил чашу своей жизни до конца. Может быть, если бы он не погиб на дуэли, он умер бы через год или два... Это печальная и тяжелая философия жизни великих. Моцарт, который так близок по духу к Пушкину, умер примерно в этом же возрасте. И мы должны праздновать и радоваться тому, что они совершили для нас, а не убиваться и не сокрушаться о том, что же они еще могли сделать.

— Вы написали о Пушкине три книги, которые, к сожалению, у нас в Советском Союзе неизвестны. Принесли ли они вам коммерческий успех здесь, в Англии?

— Нет. На жизнь я зарабатывал преподавательской работой. Занимаясь исследованием его поэтики и философии, я не ставил перед собой финансовых целей.

— Последний вопрос. Влиял ли Пушкин на вас как на человека, на ваш образ жизни?

— Разумеется! И я очень рад этому. Когда у меня были маленькие дети, я жил в городах. Теперь они выросли, а я купил домик — ему примерно 300 лет — в деревне. Перестраиваю этот коттедж собственными руками, брожу по холмам и учусь стихам Пушкина. Помните: «Я был рожден для жизни мирной, для деревенской тишины...»

Лондон.